

соприкасался, а тотъ, кто самъ нѣкогда носилъ ея иго и свергнулъ его величайшимъ усиленъ своей воли и своего прозрѣнія въ будущія судьбы человѣчества.

Вотъ эти же соображенія должны быть примѣнены и къ сопоставленію роли Щепкина и Садовскаго въ исторіи реалистической реформы русскаго сценическаго искусства. Садовскій пошелъ дальше Щепкина по этому пути, потому что традиціи бывшихъ временъ были знакомы Садовскому лишь какъ историческое воспоминаніе. Садовскій прямо началъ съ Гоголя, и потому ему было легко цѣликомъ воспріять и Островскаго.

Щепкинъ началъ съ Загоскина, съ Шаховскаго, съ мелодраматической сценической условности. Переходъ къ Гоголю и къ сценическому реализму былъ для Щепкина великой побѣдой надъ самимъ собой. Потому воспріять Островскаго было для него уже менѣе доступно. Но именно эта побѣда надъ самимъ собой и поставила Щепкина въ положеніе одного изъ тѣхъ реформаторовъ-зачинателей, съ именами которыхъ исторія соединяетъ величайшіе перевороты во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія. Садовскій пошелъ дальше Щепкина, но все-таки не будь предварительно этого великаго щепкинскаго мятежа противъ сценической старины во имя художественной правды, то не появился бы и реализмъ Садовскаго, точно такъ же, какъ безъ Гоголя невозможенъ былъ бы и Островскій.

Исторія русской сцены и должна признать Щепкина Люте-ромъ русскаго театра. Со всей мощью своихъ духовныхъ силъ онъ бросилъ вызовъ театральной средневѣковщинѣ, освободилъ русскую сцену отъ ея поработавшихъ путей и открылъ русскимъ актерамъ широкую дорогу къ истинной красотѣ и творческой свободѣ. Природа надѣлила Щепкина всѣми данными, необходимыми для такого подвига: тонкій аналитическій умъ, глубоко чувствующее сердце и пламенная сила вдохновенія, соразмѣрно соединенные другъ съ другомъ,—вотъ что такое былъ Щепкинъ, какъ творецъ сценическихъ образовъ.

